ПОЭЗИЯ ДИВО ТВОРИТ

Спектакль назван «Надеяться». Давно ждали этого спектакля, посвященного Лесе Украинке Киевским академическим русским драматическим театром имени Леси Украинки. Авторы спектакля, писатель Юрий Щербак и режиссер-постановщик Ирина Молостова, киевляне. Идет спектакль в здании театра, где когда-то бывала и Леся, творец всемирно известных теперь драматургических шедевров, ни один из которых ей так и не было суждено увидеть на сцене.

Сложную задачу избрали создатели спектакля: из богатства жизненной творческой судьбы поэтессы отобрать, утвердить главное, так освещающее Лесин подвиг, чтобы современный зритель не только согласился с возможностью существования именно такой Леси, но и проникся убежденностью в этом ее существовании — сегодня, среди нас.

Чистотой, целомудрием впечатляет спектакль. Живое дыхание Леси Украинки, взлет ее души, недоступной отчаянию даже среди самых горьких невзгод, ощущаешь на сцене. «Моя судьба, словно больничная палата». Может быть, из

этих Лесиных слов возникло зрительное решение спектакля, предложенное художником-постановщиком Д. Лидером: белоснежная, как бы забинтованная сцена. Эта гордая, выступающая над мраком и депотизмом чистота убеждает и тогда, когда видим один из эпизодов «30-летней войны с туберкулезом» (так определила свое бытие сама Леся) — клиника знаменитого берлинского профессора Бергмана (А. Таршин), и когда Леся знакомится с Мержинским (Л. Бакштаев), и в других сценах, особенно таких, как «Фантазия», «Европа», «Революция 1905 года». В последней огненном сполохом на белое падает красная лента — как надежда Леси на то, что придет к жизни и победят новые силы.

Хочется приветствовать смелость режиссера-постановщика и автора: в контексте разговоров, сообщений, споров стихи Леси Украинки звучат со сцены в оригинале, по-украински. Что бы мы ни говорили, высо-

кая поэзия оригинала, и тысячу раз переведенная, все же тысячу и один раз непереводама. Этим я абсолютно не отрицаю важности призвания переводчицы, хотя бы потому, что и сам в определенной мере принадлежу к людям этой профессии. Но живая вода поэзии поистине диво творит: именно она один из убедительнейших аргументов спектакля, утверждающего непреходящую современность, созвучность нам классического образа Леси. Поэзия ее вплетена в коллаж спектакля мастерски. Обе актрисы, раскрывающие образ Леси, словно в диалоге, чувствуют поэзию сердцем. У А. Роговцевой все более интимно, на полную амплитуду чувств; у В. Заклунной — больше металла в голосе, больше иронии, зато и непримиримости, уничтожающей силы больше.

Образ Леси Украинки в спектакле — своего рода триптих: Леся-ребенок, Леся — атакуемая болезнью, Леся — не поддающаяся ей. Так почему же

мы забываем о третьей актрисе, а точнее говоря, о первой, о самой первой? Поразительно точен сценический выход маленькой Леси — Кати Степанковой в начале спектакля. Как они, три Леси, поют втроем! Каким грациозным движением льнет самая маленькая к двум старшим! Но потом эта самая маленькая Леся со сцены исчезает. Почему? Ведь так важно было бы на протяжении всего спектакля сопровождение этой нежнейшей чистой струны. Не обязательно она должна быть наделена словами. Легкий летящий танец, щемящая детская песенка. Какой-то иной выразительный штрих... Не диктую собственного видения, не вмешиваюсь в интересное, взволнованное режиссерское решение спектакля, замечу, что в спектакле эта самая юная актриса — Катя Степанкова могла бы положить очень нужный, светлый мазок. Почему, допустим, в финале они втроем — А. Роговцева, В. Заклунная, Катя Степанкова — три Леси, не могут вместе провез-

ти ту белую, но уже траурную больничную коляску, почему те слова начала спектакля не могут прозвучать снова, но сказанные ими тремя:

**Ні долі, ні волі у мене нема;
Зосталася тільки надія сама!**

Так название спектакля «Надеяться» обрело бы еще более призывный смысл. Вся жизнь Леси Украинки до последнего дня, как и все ее творчество до последней строчки, была призывом к мужественной борьбе. Хотелось бы, чтобы с течением времени в спектакле все более выразительно звучал этот призыв. Многие уже обречено в огромной интересной работе театра. К актерским удачам отнесем редактора газеты «Киевлянин» в исполнении А. Решетникова, саркастически обнажающего убожество злобно-пигмея, который видит себя исполином. Проникновенна Ольга Кобылянская — Л. Кадочникова. Личная драма Леси — отношения с Сергеем Мержинским — представлена

на сцене деликатно и сдержанно, во многом благодаря акусту и самоограничению Л. Бакштаева. Образ Квитки у Г. Кишко также очень тактичен. Безукоризненно точен в трактовке отца Леси В. Добровольский.

Театр имени Леси Украинки своим новым спектаклем еще раз открывает нам великую поэтессу. Благодарный пиетет, глубокая нежность к ней наполняют спектакль, а одновременно нашу душу. Мы вновь и вновь приходим к Лесе, которую большевистская «Правда» в 1913 году в своем некрологе назвала «другом рабочих». С этим высоким титулом поэтесса вошла в будни и праздники нового великого мира, рожденного Октябрем. Вошла как живой современник наш, чьи творческие воля и песни необоримы. Такой нам и показывает гениальную украинскую поэтессу Русский театр имени Леси Украинки.

Иван ДРАЧ.

КИЕВ.

Соб. культура, 1979, Заур.